

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ТОЛСТИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
a_tolstikov@mail.ru

Рец. на кн.: Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авт. пер. с англ. А. С. Роговой. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 352 с.

Книга Алексея Валерьевича Голубева и Ирины Рейевны Такала посвящена истории масштабной иммиграции североамериканских финнов в Советскую Карелию в 1930–1935 годах, их непростой адаптации и жизни в этом приграничном регионе (во главе которого тогда тоже стояли иммигранты – красные финны, что создавало специфическую для СССР ситуацию), вкладу переселенцев в экономику и культуру республики, а также их судьбам – по большей части трагическим. Исследование стало итогом многолетней работы авторов и первоначально было издано по-английски в 2014 году в США и Канаде¹. Выход спустя пять лет авторизованного русского перевода означает, безусловно, новый этап рецепции книги в российском профессиональном сообществе. Ведь несмотря на интернационализацию науки и, хочется надеяться, достаточный уровень знакомства подавляющего большинства коллег с английским языком, прочесть выпущенную где-нибудь за океаном важную и нужную книгу по-прежнему возможно отнюдь не всегда, в особенности в российской провинции, просто потому, что элементарное получение в свое распоряжение полного текста, даже в электронном виде, нередко сопряжено с преодолением разнообразных препятствий, в том числе финансовых. Между тем рецензируемая работа представляет интерес не только для тех, кто занимается историей Карелии или судьбами иностранцев в СССР, но, по-моему, для всех, кто специализируется на советской истории, по крайней мере, сталинского периода. По справедливому замечанию самих авторов,

«история иммиграции финнов из США и Канады в Карелию позволяет лучше понять такие важные категории советского общества, как власть и культура, центр и периферия, этничность и национальность, миграция и класс. Изучение этой истории открывает новые перспективы для целого ряда исследовательских проблем, таких как адаптация предприятий и целых отраслей

промышленности к условиям плановой экономики, конкуренция между разными подходами к развитию советских национальных регионов и, наконец, вопрос о социалистической модерности, в частности об освоении советским руководством и обществом западных представлений о современной культуре труда и быта»².

Притом авторы, как полагается, внесли в русскоязычное издание ряд изменений, учтя, в частности, некоторые новые работы, вышедшие после 2014 года (с. 4). Фактически перед нами первое обобщающее научное исследование на указанную тему, которое основано прежде всего на документах из российских архивов, главным образом из Национального архива Республики Карелия, а также архива республиканского управления ФСБ. (Кроме того, в число источников помимо периодики, сборников документов, статистических справочников и опубликованных мемуаров и интервью входят еще десять неопубликованных записей бесед с переселенцами и их потомками. Записи были сделаны в Карелии в 2000-е годы (с. 314, 323)). Пожалуй, единственным предшественником авторов, еще в 1983 году опубликовавшим научную работу обобщающего характера об иммиграции финнов из США и Канады в Карелию в 1930-е годы, является финляндский историк Рейно Керо³. Он, однако, не имел возможности обратиться к советским архивным материалам. Исследования же, вышедшие с начала 1990-х годов (преимущественно, хотя и не исключительно в формате статей) и уже использовавшие ранее недоступные документы из российских архивов, либо представляют собой сравнительно краткие обзоры и первые подходы к проблеме (таковы, к примеру, некоторые публикации самой И. Р. Такала), либо посвящены отдельным аспектам истории североамериканских финнов в Карелии, либо написаны скорее в публицистическом, чем в академическом стиле⁴. Только в 2000-х годах началось эффективное сотрудничество занятых данной проблематикой исследователей из Канады, США, Финляндии,

Швеции и России, включая обоих соавторов рецензируемой книги. Два сборника статей, изданных в 2004 и 2008 годах по итогам международных конференций, стали заметным вкладом в изучение темы⁵. Можно отметить и вышедший в 2007 году как раз под редакцией И. Р. Такала и А. В. Голубева второй выпуск серии «Устная история в Карелии», специально посвященный пребыванию финнов из Северной Америки в Советской Карелии и включающий помимо научных статей интервью с четырьмя самими переселенцами, а также интервью и воспоминания детей и внуков иммигрантов плюс некоторые библиографические материалы⁶. Как закономерный результат этой многолетней деятельности и появилась книга «В поисках социалистического Эльдорадо» – написанная на современном научном уровне обобщающая история иммиграции североамериканских финнов в Карелию в 1930-е годы.

В первой главе авторы кратко рассказывают, с одной стороны, о формировании и условиях существования к началу 1930-х годов финской диаспоры в США и Канаде, а с другой – о характере миграции из Великого княжества Финляндского в Санкт-Петербургскую, Архангельскую и Олонецкую губернии еще в досоветский период, о новых волнах переселенцев из Финляндии в Карелию уже после 1918 года и, в самых общих чертах, о значении финских политэмигрантов для истории карельской автономии в 1920-е годы. В одном случае повествование в этом вводном разделе начинается, на мой взгляд, слишком уж издали: почему-то параграф о красных финнах в автономной Советской Карелии открывается упоминанием о появлении постоянных поселений карелов в IX веке, об Ореховецком договоре 1323 года и т. п. (с. 32). Не уверен, что «пограничность» Карелии в тот период стоит даже риторически сопоставлять с ее «пограничностью» в начале XX века. Кроме того, меня несколько удивило, что в первой главе (и кстати, во введении) некоторые статистические сведения приводятся со ссылками не на специальную литературу, а на популярные обзорные труды по истории Финляндии и ряда других стран.

Во второй главе рассматривается переселенческая политика карельского руководства в 1920-е годы в контексте соответствующей политики Советского государства в целом. Здесь хорошо показано, что возглавлявшее Карелию правительство Э. Гюллинга практически с самого начала рассчитывало на привлечение финнов из-за рубежа для решения проблемы нехватки квалифицированной рабочей силы и одновре-

менно для увеличения доли финно-угорского населения в национальной автономии. (Между прочим, разговоры о приглашении в Карелию финнов из Северной Америки красные финны Э. Рахья и Э. Вастен вели с Лениным уже в мае 1918 года (с. 50)). Однако, несмотря на признание успехов карельского правительства, пользовавшегося в 1920-х годах экономической самостоятельностью, союзные власти долго не давали разрешения на массовую вербовку иностранцев для работы в Карелии. И только новый курс на индустриализацию и связанное с ним изменение приоритетов именно на общегосударственном уровне сделали наконец возможным осуществление этой переселенческой политики со стороны карельского руководства – как раз тогда, когда особые экономические права АКССР были упразднены. Так началась масштабная иммиграция североамериканских финнов в Советскую Карелию. Первая немногочисленная группа лесорубов (авторы сумели установить фамилии 21 человека) приехала 25 сентября 1930 года из Канады (с. 61–62), хотя в дальнейшем большинство переселенцев были из США.

Третья глава посвящена организации вербовки рабочих в Северной Америке (в частности, финансовой стороне дела), а также причинам, по которым финны в США и Канаде отзывались на призывы ехать в Карелию. Авторы подчеркивают значимость в данном случае такого источника, как письма иммигрантов из Карелии, и указывают, что он стал всерьез анализироваться совсем недавно (с. 78)⁷. Говоря о многообразии факторов, приведших к появлению так называемой карельской лихорадки, А. В. Голубев и И. Р. Такала справедливо отмечают, что иммиграцию североамериканских финнов в Советский Союз следует рассматривать

«как часть трансатлантической истории межвоенного периода, где в единое целое слились такие феномены, как стремление “красных финнов” преобразовать Советскую Карелию в национальную автономию, Великая депрессия на Западе и ускоренная индустриализация в СССР, политический активизм финнов-иммигрантов, а также индивидуальные истории и международная политика» (с. 81).

В главе четвертой прослеживается реализация руководством Советской Карелии в 1931–1935 годах взятого курса на переселение североамериканских финнов: описываются трудности, с которыми столкнулись как карельские власти, так и сами переселенцы (и те и другие оказались не готовы к встрече, что в значительной степени определило провал всей иммиграционной политики); впервые на основе первичных

архивных материалов анализируется динамика этого процесса; уточняется общая численность прибывших и количество тех, кто решил уехать назад; приводятся сведения о гражданстве иммигрантов, их половозрастной структуре, занятости в различных отраслях экономики Карелии, основных местах расселения в республике. По данным авторов, справедлива уже высказывавшаяся в литературе оценка общего числа переселенцев «в диапазоне от шести до шести с половиной тысяч человек – вероятно, ближе к верхней границе» (с. 128). 58 % прибыли из США (из них половина – из штатов Мичиган, Нью-Йорк и Миннесота), 42 % – из Канады. Вернулись примерно 1300–1500 человек (пик реэмиграции пришелся на 1933 год), так что к 1935 году в финской диаспоре в СССР выходцы из Северной Америки составляли около одной трети (от четырех с половиной до пяти тысяч человек из приблизительно 15 тысяч (с. 134–135)).

Содержание пятой главы ясно из ее названия – «Американские и канадские иммигранты в экономике Советской Карелии» (с. 136–170). Более 60 % переселенцев были заняты в лесной отрасли, где их вклад оказался наиболее заметен и для современников, и для исследователей (с. 138–145). Известна также их роль в строительстве Кондопожского ЦБК и Петрозаводской лыжной фабрики (с. 147–150). Авторы описывают и показательную историю создания во многом силами североамериканских рабочих первого (деревянного) водопровода в карельской столице, который проработал затем 40 лет (с. 150–151). Хотя в сельском хозяйстве республики трудились всего чуть более 3 % иммигрантов (причем их деятельность в этой сфере началась еще в 1920-е годы, самый известный пример – коммуна «Сяде», то есть «Луч», которую основали финны, приехавшие из Канады еще в 1925 году), здесь их усилия тоже принесли немалые плоды, однако, как подчеркивают авторы, все результаты с началом гонений во второй половине 1930-х годов оказались сперва дискредитированы пропагандой, а после забыты (с. 159–170).

Шестая глава посвящена роли иммигрантов из Северной Америки в культурной жизни Советской Карелии. Рассматриваемые здесь аспекты (особенности языковой политики карельского руководства, вклад североамериканских финнов в развитие литературы, театра, музыки, спорта) не раз уже затрагивались исследователями, и в этой главе число ссылок на архивные источники совсем невелико.

Глава седьмая, на мой взгляд, одна из самых интересных в книге. Речь в ней идет о пробле-

мах взаимоотношений переселенцев из США и Канады с обществом, в котором они оказались, переехав в Советскую Карелию. Заслугой авторов является то, что они сумели показать динамику в развитии взаимных представлений. Если сначала иммигранты – несмотря на все усилия республиканской печати по созданию их положительного образа (а порой именно из-за этого повышенного внимания к ним) – воспринимались местным населением прежде всего как чужаки, «понаехавшие буржуи», имеющие право покупать продукты в магазинах Инснаба и получающие более высокие зарплаты, то со временем, по разным причинам (не только по мере адаптации, но и, в частности, из-за отъезда наиболее недовольных и отмены инснабовских норм), конфликтов с переселенцами становилось все меньше. По крайней мере, сообщения о подобного рода конфликтах почти исчезают из документов с конца 1933 года, а для второй половины 1930-х годов имеются свидетельства сочувствия местного населения к тем, на кого обрушились репрессии (с. 232). Что касается самих североамериканских иммигрантов, то изначально большинство из них ощущали себя, по-видимому, в первую очередь представителями мирового пролетариата и лишь затем финнами (причем молодежь часто предпочитала общаться друг с другом по-английски), однако столкновение с советскими реалиями привело у них – помимо, естественно, лучшего понимания окружавшего их общества – к усилению этнической самоидентификации (с. 228–230).

Восьмая глава «Большой террор и судьбы североамериканских финнов» (опирается на многолетние исследования И. Р. Такала и написана на основании множества архивных источников, в данном случае не только Национального архива Республики Карелия и архива республиканского управления ФСБ, но и РГАСПИ, а также Национального архива Финляндии и Архива МИД Финляндии). По данным И. Р. Такала, гонения 1937–1938 годов затронули приблизительно 15 % всех иммигрантов из США и Канады, а если считать только мужчин (которых среди репрессированных было более 90 %), то 28 %, то есть каждый четвертый (с. 277, 279). Всего расстреляно было 71 % выходцев из США и 84 % – из Канады (с. 282). В то же время:

«Во всех делах, по которым проходили североамериканцы, они были просто финнами или “уроженцами Финляндии”. Когда речь заходила о шпионаже, то он мог иметь место тоже только в пользу Финляндии, даже если человек родился в Северной Америке и никогда на своей исторической родине не был. Канада и США остались в числе тех немногих стран, чьих шпионов, по мнению карельского НКВД, в республике не было» (с. 286–287).

Очевидно, логика фабрикации обвинений в шпионаже предполагала прямолинейную связь между деятельностью считавшегося враждебным пограничного государства и принадлежностью к «титальной нации» этого государства (что в очередной раз демонстрирует одну из опасностей столь типичного для сталинского дискурса акцента на территориальном аспекте таких категорий, как «нация» и «национальность»⁸).

В заключительной, девятой главе кратко рассказывается о судьбах североамериканских финнов после завершения волны массовых арестов 1938 года. В Зимнюю войну многие из них оказались в так называемой Финской народной армии. Затем, с созданием КФССР, пережили недолгий, по выражению авторов, «ренессанс советской финской культуры» (с. 299). А после начала новой войны, в 1941 и особенно в 1942 году их вновь сочли «пятой колонной» враждебной Финляндии и стали отправлять в «трудармию» НКВД (хотя и не приходится говорить о том, что эта кампания осуществлялась последовательно и неукоснительно (с. 306)). Причем большинство из тех, кто выжил, все же вернулись по окончании войны в Карелию (с. 308). По словам авторов,

«если в 1930-е гг. канадские и американские финны были, пожалуй, наиболее выделяющейся этнокультурной группой в Карелии, то к 1950-м гг. они в значительной степени ассимилировались» (с. 314).

Как любое полноценное научное исследование, рецензируемая книга не только дает ответы, но и заставляет задумываться над новыми вопросами и ставить новые задачи. Из таких аспектов мне здесь хотелось бы отметить два. Во-первых, целесообразно расширить источниковую базу будущих исследований о североамериканских финнах в Карелии прежде всего за счет материалов финляндских архивов, сведения которых теперь легче проверить и сопоставить с тем, что обнаружено в архивах советских. Отчасти это потенциально продуктивное направление связано, конечно, с историей деятельности спецслужб, причем как Финляндии, так и СССР, в котором американские и канадские финны в начале войны активно привлекались к разведывательной деятельности (она, впрочем, часто завершалась провалом, а в 1942 году, как упоминалось выше, советское руководство решительно взяло курс на «вычищение» финнов – включая «американцев» и «канадцев» – из рядов Красной армии (с. 301–305)). Например, что отмечают и наши авторы, за финскими иммигрантами в Карелии внимательно следили в МИДе Финляндии и в Центральной сыскной полиции (Etsivä keskuspoliisi, ЕК), которая в декабре 1938 года была переиме-

нована в Государственную полицию (Valtiollinen poliisi, Valpo). В книге есть (в главе о репрессиях) немногочисленные ссылки на документы этих ведомств, а также на архив Пентти Ренвалля, хранящийся в финляндском Национальном архиве (с. 238, 251, 253). Ясно, однако, что соответствующего материала в Финляндии должно быть намного больше. Пока наиболее известным и изученным из такого рода сюжетов, где переплетаются судьбы североамериканских иммигрантов и борьба советских и финляндских спецслужб, является история Кертту Нуортева⁹. Но, вероятно, следует полагать, что дальнейшая работа в финляндских архивах позволит обогатить деталями и уточнить нынешние наши представления о жизни североамериканской диаспоры в Советской Карелии. Возможно, мы наконец узнаем, во сколько раз репрессивные органы КАССР преувеличили число финляндских шпионов (и были ли вообще они среди «американцев» и «канадцев»), ведь упомянутые, к примеру, в одной докладной записке карельского наркома внутренних дел К. Я. Тенисона сведения о 59 резидентах и 283 агентах разведки Финляндии, арестованных «по финской линии» на 1 января 1938 года (с. 266), являются очевидно фантастическими. Во-вторых, следует, на мой взгляд, четче проблематизировать идентификацию и самоидентификацию североамериканских иммигрантов. Как учат нас современные теоретики, отнесение себя или кого-то другого к тем или иным группам, в том числе этническому, очень текучий и ситуативный процесс. Настолько текучий, что, скажем, сомнительным и даже неприемлемым оказывается использование привычного понятия «идентичность» «из-за его чрезмерной неясности, расщепленности противоречивыми смыслами и обремененности овеществляющими коннотациями»¹⁰. Иначе говоря, и различные инстанции советской власти, и сами иммигранты (и, естественно, их потомки), и их соседи, и коллеги в разных обстоятельствах пользовались разными категориями, когда идентифицировали представителей группы, которую мы определяем как «североамериканские финны» (сама по себе последняя категория, очевидно, является в первую очередь исследовательским конструктом – вполне удобным, впрочем, если не забывать о его условности). Как было сказано ранее, в годы репрессий североамериканских иммигрантов рассматривали прежде всего как финнов и напрямую связывали с Финляндией¹¹. Но так было не всегда, что, разумеется, хорошо понимают авторы рецензируемой работы. Недавно они подчеркивают неустойчивость терми-

нологии в советских документах и в периодике, где писали то о «канадцах» или «канадских лесорубах» (причем так называли и тех, кто приехал из США, и тех, кто отнюдь не был лесорубом по профессии), то об «американцах», то о «финно-канадцах» или «канадских финнах», то обобщенно об «инрабочих», то о «финнамериканах» (с. 60, 128, 273–275, 286). Интересно было бы попытаться подробно проанализировать особенности такого словоупотребления, особенно в контексте зигзагов советской национальной политики в 1930-х годах. От чего все же мог зависеть выбор одного из приведенных групповых «ярлыков»? Всегда ли тут дело было в случайности? Какие коннотации были у прилагательных «американский», «канадский», «финский» в доступных для изучения дискурсах о Советской Карелии на разных этапах ее истории? Еще интереснее, по-моему, хотя и сложнее, проанализировать выбор национальности теми из североамериканских иммигрантов и их потомков, кто получал (порой вынужденно) советский паспорт. Ведь как раз в рассматриваемый период происходило становление паспортной системы СССР (для Карелии важен, в частности, такой ее аспект, как паспортизация жителей погранполосы¹²). С 1932 до 1938 год определение национальности практически не регламентировалось, так что получавший новый документ гражданин имел в этом отношении довольно широкие возможности для выбора. Но в апреле 1938 года, видимо, как один из эффектов «национальных операций» НКВД, появился циркуляр (что характерно – секретный), согласно которому национальность должна была определяться только «в соответствии с фактическим национальным происхождением родителей» (если она была разной у родителей, можно было выбрать одну из

двух)¹³. И очень любопытно было бы выяснить, что ставили североамериканским финнам в этой графе как до 1938 года, так и после – особенно в контексте упоминаний о «карело-финском народе» и «карело-финской национальности» в связи с созданием КФССР в 1940 году¹⁴.

В заключение несколько слов об оформлении ссылочного аппарата в книге. К сожалению, здесь кое-где заметны «родимые пятна» ее изначально англоязычного происхождения. Например, некоторые сборники статей описаны не по названию, а по фамилиям редакторов, что мешает быстро установить наличие или отсутствие ссылок на такие издания по списку литературы (с. 326–343). В тех случаях, когда публикации существуют в переводах на русский или с русского, ссылки (обычно в разных разделах, но не всегда) даются то на оригинальную, то на переводную версии (с. 13 и 42, 14 и 80, 175 и 188, 234 и 235). В нескольких случаях вообще не указано, что упоминаемая публикация имеется в русском переводе, а речь идет, к примеру, о не самых известных русскоязычной аудитории финляндских исследований, которые, на мой взгляд, могут представлять интерес для читателей рецензируемой книги¹⁵.

Однако эти сравнительно мелкие авторско-редакторские огрехи, конечно, не меняют общего положительного впечатления от книги. И по ее прочтении вполне логичным и убедительным представляется вывод, которым авторы заканчивают свое исследование:

«...трагедия репрессий конца 1930-х гг. против финской диаспоры заключается не только в том, что они принесли с собой смерть и страдания для многих иммигрантов, но и в том, что они разрушили целый мир, где встретились финская, американская, канадская, карельская, русская и советская культуры...» (с. 321).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Golubev A., Takala I. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. East Lansing, MI: Michigan State University Press; Winnipeg, MB: University of Manitoba Press, 2014. 236 p.

² Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Авт. пер. с англ. А. С. Роговой. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 9–11. Далее ссылки на рецензируемое издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

³ Kero R. Neuvosto-Karjalaa rakentamassa: Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa. Helsinki: SHS, 1983. 231 s.

⁴ Здесь следует подчеркнуть значительный вклад Мейми Оскаровны Севандер, которая одной из первых привлекла широкое внимание к этой теме, напрямую затрагивавшей и ее лично. См. прежде всего ее последнюю книгу, изданную сначала по-фински в 2000 году, а чуть позже и в русском переводе: Севандер М. Скитальцы: О судьбах американских финнов в Карелии / Пер. с фин. яз. М. Ипатова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 186 с.

⁵ Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. (R. Harpelle, V. Lindström, & A. Pogorelskin, Eds.). Beaverton, ON: Aspasia Books, 2004. 226 p.; North American Finns in

- Soviet Karelia in the 1930s. (I. Takala, I. Solomeshch, Eds.). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2008. 270 p.
- ⁶ Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 190 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oralhist.karelia.ru/Libr/almanach_2.pdf (дата обращения 11.06.2020).
- ⁷ Они обращают здесь внимание на защищенную уже после выхода англоязычного издания их книги докторскую диссертацию Самиры Сапано: Saramo S. S. Life Moving Forward: Soviet Karelia in the Letters & Memoirs of Finnish North Americans. Toronto: York University, 2014. 433 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yorkspace.library.yorku.ca/xmlui/handle/10315/29866> (дата обращения 11.06.2020). Кстати, еще одну докторскую диссертацию о североамериканских финнах-иммигрантах в СССР, защищенную в том же Йоркском университете в Канаде также уже после выхода англоязычной версии рецензируемой книги и безусловно хорошо известную авторам, они по каким-то причинам не упоминают в русскоязычном издании: Efremkin E. At the Intersections of Nations, Diasporas, and Modernities: North American Finns in the Soviet Union in the 1930s. Toronto: York University, 2014. 293 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yorkspace.library.yorku.ca/xmlui/handle/10315/29961> (дата обращения 11.06.2020).
- ⁸ См. об этом, например: Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
- ⁹ Авторы тоже ее упоминают (с. 304–305), ссылаясь на книгу А. Костиайнена и статью Э. П. Лайдинена (Kostiainen A. Santeri Nuorteva: Kansainvälinen suomalainen. Helsinki: SKS, 1983. 224 s.; Лайдинен Э. П. Хроника преследования (судьба семьи А. Ф. Нуортева) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 8 (102). С. 25–30). Последний же использовал как документы Национального архива Финляндии, так и сравнительно недавнюю книгу известного историка О. Маннинена – самую основательную на сегодня биографию К. Нуортева: Manninen O. Kerttu Nuorteva: Neuvostokaunotar vakoilujohtajana. Helsinki: Edita, 2006. 196 s.
- ¹⁰ См.: Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. яз. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с. См. особенно с. 61–126 (приведенная цитата – на с. 123).
- ¹¹ Вот хороший пример из докладной записки главы карельского НКВД С. Т. Матузенко «О выселении за пределы КАССР финнамериканцев и семей репрессированных финнов» (9 июня 1938 года): «...Гюллинг через специально созданное переселенческое управление пополнял вражеские ряды завозом из Канады финнамериканцев. <...> Из Канады финны прибывали с собственными автомобилями, пишущими машинками, валютой и заданиями иностранных разведок... Представляя собой разный сброд авантюристов, настроенных враждебно к Советской власти, они в погоне за наживой с охотой продавались разным разведывательным органам фашистских стран и в первую очередь Финляндии» (с. 273–274). Здесь вроде бы подразумевается некое различие между «финнамериканцами» и «финнами», но оно тут же размывается.
- ¹² О режиме погранзон в СССР в 1930-е годы, в том числе о паспортизации, см., например: Дюллен С. Уплотнение границ: К истокам советской политики. 1920–1940-е / Пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 251–319.
- ¹³ О графе «национальность» и практиках ее заполнения в советском паспорте см.: Байбурин А. Советский паспорт: История – структура – практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 216–230, 289–314.
- ¹⁴ См.: Клементьев Е. Идеология и практика языковой политики в Карелии в 1920–1930-е годы // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 160 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krc.karelia.ru/publ.php?id=4561&plang=r> (дата обращения 16.06.2020).
- ¹⁵ Здесь я бы отметил прежде всего издания: Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / Пер. с фин. Л. В. Суни. Петрозаводск: Барс, 1998. 322 с.; Ниронен Я. Финский Петербург / Пер. с фин. Л. Сташкевич. СПб.: Европейский Дом, 2003. 258 с.; Энгман М. Финляндцы в Петербурге / Пер. со шв. А. И. Рупасова. Изд. 2-е. СПб.: Европейский Дом, 2008. 470 с.

Поступила в редакцию 17.06.2020